

Е.О. Труфанова

Расщепленное сознание как междисциплинарная проблема

В статье исследуется проблема расщепления сознания. Рассматриваются такие аспекты этой проблемы, как проблема рассеченного мозга, расщепление психики в разного вида психических расстройствах, а также расщепление Я в познавательных и творческих актах. Показывается, что расщепление сознания (в виде расщепления Я) присутствует в сознательной деятельности человека практически непрерывно и играет важную роль в абстрактном мышлении, лежащем в основе познавательной и творческой деятельности человека.

Ключевые слова: сознание, самосознание, Я, мозг, диссоциация, расщепление, рассеченный мозг

Проблема расщепления сознания по существу является междисциплинарной. Наиболее распространена такая постановка проблемы в психологии и психиатрии, в то время как в нейрофизиологии мы говорим о расщепленном (а точнее – рассеченном) мозге (split-brain). Тем не менее, в рамках философских исследований сознания, личности и Я эта проблема приобретает значительно более глубокое содержание, для которого исследования конкретных научных дисциплин играют лишь вспомогательную роль. Однако прежде чем перейти к собственно философскому пониманию данной проблемы предлагается рассмотреть феномен расщепленного сознания «восходя от конкретного к абстрактному» – начиная с феномена расщепленного мозга и, через анализ психологических аспектов расщепления сознания, переходя к философским.

Рассеченный мозг (split-brain)

Мне не хотелось бы касаться здесь вопроса о том, насколько мы можем через изучение мозга и его функций решить проблему сознания. Ограничимся лишь заявлением о том, что на данном этапе наших знаний мы не можем представить себе существование сознания вне мозга и что проявления сознания, несомненно, связаны с функционированием мозга (нарушения деятельности мозга – физические или биохимические неизбежно приводят к нарушениям работы сознания).

Исследования больных с рассеченным мозолистым телом мозга (в результате попытки оперативным способом справиться с тяжелыми случаями эпилепсии) породили в середине XX в. огромное количество исследований – как в естественнонаучной, так и философской сфере. Операции, проведенные в 1950-х гг. Р.Майерсом, Р.Сперри, Ф.Фогелем, Дж. Богеном, благодаря исследованиям, проводимым Р.Сперри и М.Газзанигой позволили получить удивительные данные¹. Пациенты, перенесшие операцию, как правило, на первый взгляд, сохраняли все свои сознательные функции в дооперационном виде – их личность, их интеллект, их память не претерпевали никаких заметных перемен. Однако более тщательные исследования показали, что изменения все же произошли и связи между правым и левым полушарием хотя и сохранились, но претерпели существенные изменения. Эти эксперименты, как известно, позволили сформулировать представления о межполушарной асимметрии, вычленив «специализацию» правого и левого полушарий, получить новую информацию о речевых функциях мозга. Однако главный вопрос, который интересует нас в связи с исследуемой темой и который был поставлен философией сознания после знакомства с этими исследованиями – не обладает ли человек двумя центрами сознания вместо одного? Не обладает ли каждое из полушарий самостоятельным и независимым сознанием? Исследования показали, что у пациентов с рассеченным мозгом, к примеру, в каждом полушарии образуется свой центр внимания (*focus of attention*)², что в одно и то же время в ходе эксперимента одно полушарие настроено агрессивно, а другое при этом остается спокойным. Так называемый «синдром чужой руки» – психоневрологическое расстройство, в ходе которого одна рука пациента

действовала независимо от его воли и даже против нее – также свидетельствовал в пользу того, что каждое полушарие обладает собственным «мнением», а стало быть, вероятно, и сознанием, и даже собственным Я.

Наиболее удивительным был случай пациента P.S., эксперименты с которым показали, что разные полушария способны давать разные ответы на личностные вопросы. Так, например, когда левому полушарию задали вопрос «Кем бы вы хотели быть?», то получили ответ «Чертежником», правое ответило, составив свой ответ из букв «Автомобильным гонщиком»³. Однако эти же опыты показали, что в случае таких противоречащих друг другу ответов полушарий, левое полушарие всегда бралось разьяснять, почему им было выбрано то или иное изображение. Затем оно пыталось объяснить выбор, сделанный правым полушарием, связав это объяснение со своим собственным выбором, хотя экспериментаторы специально об этом не просили. Поведение левого полушария в его стремлении оправдать выбор правого может служить иллюстрацией известной психологической теории когнитивного диссонанса, в соответствии с которой все люди испытывают сильное желание избежать дисгармонии между своими поступками и убеждениями. Газзанига и Леду сделали вывод, что вербальные механизмы, находящиеся в левом полушарии, не всегда знают источник наших действий и могут приписывать действиям причину, которой на самом деле не существует⁴. Они описали подобную деятельность левого полушария как исполнение функции «интерпретатора»⁵, который стремится во что бы то ни стало создать последовательный нарратив, который позволит избежать противоречий внутри личности и ее опыта.

Философские исследования феномена рассеченного мозга начались в 1970-е гг. XX в. с работ Т.Нагеля, Д.Парфита, Ч.Маркса, М.Локвуда, С.Л.Херли⁶ и др. Нагель заявлял, что нельзя точно утверждать, сколько у пациентов с рассеченным мозгом центров сознания: в них слишком много единства, чтобы сказать «два», но слишком много различия, чтобы сказать «один».

Нагель также рассматривал такие вопросы, как: может ли одно полушарие совершить преступление так, что второе не будет виновно в нем? является ли человек с рассеченным мозгом в сущности одним человеком или это две разные личности?⁷. Чарльз Маркс утверждает

ет, что, по крайней мере в лабораторных условиях, четко существуют два различных потока сознания⁸. Парфит рассматривает вопрос о том, насколько «устойчива» идентичность человека. Он приводит известный пример с кораблем Тезея. Допустим, год за годом в этом корабле прогнивали одна доска за другой и заменялись на новые, пока все доски корабля не были заменены. Является ли этот корабль теперь кораблем Тезея? А если мы соберем все старые прогнившие доски и построим из них корабль – будет ли он являться кораблем Тезея? Следовательно, будет ли подобная постепенно обновленная личность той же, какой она была в начале? Многие философы возражали Парфиту, говоря, что этот пример подходит только тогда, когда речь идет о неодушевленных предметах, но он утверждал, что если наша личность (по крайней мере, мозг) может распасться или слиться воедино, то, стало быть, подобный пример подходит и нам⁹. Локвуд утверждает, что два полушария сохраняют определенное единство – например, впечатления от двух различных предъявленных разным полушариям предметов объединяются не между собой, но в некоем третьем особом эмоциональном состоянии¹⁰.

Споры ученых о существовании единого центра или двух независимых центров сознания так и не привели к выработке единого мнения по этому вопросу. Сам Газзанига полагает, что чувство *Я* (sense of self) рождается благодаря сетям, распределенным по обоим полушариям, и каждое полушарие вносит свой вклад (в соответствии со своей спецификацией) в формирование *Я*¹¹, тем не менее конструирование *Я* осуществляется благодаря интерпретаторной функции левого полушария, которое обрабатывает полученные от обоих полушарий данные и формирует последовательную концепцию *Я*. Мы можем отметить, что гипотеза Газзаниги близка нарративному подходу к *Я*, поскольку левое полушарие-«интерпретатор» отвечает за речь и дает именно вербализованную интерпретацию. С точки зрения Газзаниги именно наличие «интерпретаторной» функции позволяет пациенту с рассеченным мозолистым телом функционировать в дальнейшем без видимых изменений – все возникающие противоречия «сглаживаются» благодаря «интерпретатору».

Что дают данные исследований рассеченного мозга для нашей темы? Можем ли мы утверждать, исходя из опытов с пациентами с рассеченным мозолистым телом, что каждое полушарие создает собственный *Я*-образ, обладает собственным центром сознания?

Или же разница в ответах, получаемых от каждого из полушарий, продиктована лишь их разной спецификацией, тогда как данные для ответов все равно черпаются из единого источника? Наблюдаемая в опытах психическая и функциональная асимметрия необязательно должны означать наличие двух центров сознания, и именно тот факт, что вопреки физическому разделению двух полушарий (некоторые данные говорят о том, что взаимодействие между полушариями рассеченного мозга осуществляется через ствол мозга) сознание и личность за пределами лабораторных экспериментов продолжают функционировать без существенных изменений, говорит о том, что сознание представляет нечто более сложное, нежели простой продукт деятельности мозга, иначе бы столь радикальное вторжение вызвало бы значительно более серьезные изменения в деятельности сознания. Тем не менее, возможность относительно независимого функционирования и получения самостоятельного опыта разными полушариями говорит нам о том, что одной из основ феномена расщепления сознания может быть нарушение связей между полушариями головного мозга.

Однако пациенты со split-brain представляют собой не такое частое явление, в то время как в рамках психиатрии исследуется множество нарушений деятельности психики, которые мы можем связать с расщеплением сознания.

Расщепление психики

С расщеплением сознания в психологии и психиатрии связан целый ряд понятий. В первую очередь мы должны обратиться к шизофрении, само название которой в переводе с древнегреческого означает «расколотый, расщепленный разум». Одна из популярных работ по шизофрении – работа шотландского психиатра Роберта Лэйнга, так и называется «Разделенное Я»¹² (R.D.Laing, “The Divided Self”)¹³. Действительно, в шизофрении наблюдается некий «распад» сознания, нарушение связей между разными его областями и как следствие потеря больным чувства цельности личности или потеря чувства связанности личности с миром. Однако шизофреническое расщепление ведет к разрушению сознания как единого целого, так что фактически мы лишаемся предмета для исследований.

У Фрейда встречается понятие «расщепление Я», которое обозначает такое явление, встречающееся в ряде психозов, в ходе которого «внутри Я сосуществуют две психические установки по отношению к внешней реальности, которая противодействует требованиям влечения: первая установка учитывает реальность, вторая – отрывается от этой реальности и ставит на ее место продукт желания. Эти установки сосуществуют, не оказывая друг на друга никакого воздействия»¹⁴. Само расщепление становится возможным прежде всего благодаря процедуре *вытеснения*, в ходе которого, как описывает Фрейд, субъект стремится устранить, «вытеснить» в бессознательное некие мысли, образы, воспоминания, которые связаны с теми влечениями, удовлетворение которых может привести к конфликту, к негативным последствиям и т. д. В более широком смысле вытесняются негативные переживания в целом, что играет роль психической «защиты»¹⁵. Фрейд, анализируя психозы, отмечает, что в них действуют две психические установки: «одна из них, нормальная, предполагает учет реальности, другая, под влиянием влечений, отрывает Я от реальности»¹⁶.

В качестве источника расщепления может также выступать *сублимация*. Во фрейдовском психоанализе сублимация представляется как перенаправление или превращение сексуальной энергии либидо в энергию несексуальную, которая лежит в основе, в частности, творческой деятельности. В работах Фрейда так и остается до конца неясным, во что конкретно может сублимироваться либидо – в любую другую деятельность, отличную от сексуальной, или же только в творчество. Фрейд также описывает целый ряд понятий, которые мы можем связать с расщеплением сознания, однако все они так или иначе могут быть подведены под понятие *диссоциации*. Диссоциация (слово происходит от латинского «разделение», «разъединение») проявляется с разной степенью интенсивности в том, что мышление или психические процессы в целом разделяются на отдельные составляющие, происходит нарушение связей между разными элементами психики, что, как правило, приводит к нарушению целостности личности¹⁷. Диссоциация, как правило, выступает в качестве защитного механизма психики. Слабые проявления диссоциации могут выражаться просто в рассеянности, невозможности сосредоточиться, тогда как сильные проявления могут выражаться в качестве серьезных психических заболеваний – диссоциативных

расстройств. Последние представляют из себя группу психических расстройств, характеризующихся изменениями или нарушениями ряда психических функций – сознания, памяти, чувства личностной идентичности, осознания непрерывности собственной идентичности. При «диссоциации» некоторые из психических функций, обычно интегрированных в психике, отделяются от потока сознания: так может утрачиваться личностная идентичность и возникать новая, как это происходит в состояниях фуги или множественного личностного расстройства, либо могут стать недоступными для сознания отдельные воспоминания, как в случаях амнезии. Диссоциация, как правило, проявляется как некий вариант фрейдовского «вытеснения» – травматические, негативные переживания в данном случае не загоняются в подсознание, а как бы «отщепляются» от основной личности – либо путем забывания, либо путем формирования другой личности. Фрейд пишет, говоря о расщеплении сознания, что оно «...начинается преднамеренным, интенциональным актом. По сути, вытесненные содержания ускользают от субъекта и в качестве “отдельной группы психических явлений” подчиняются своим собственным законам»¹⁸. Как мы видим, описываемый им феномен аналогичен диссоциации.

В состоянии диссоциативной (психогенной) фуги (fugue) или реакции бегства человек страдает временными потерями памяти, он покидает свое привычное окружение, может уйти в другое место и там начать новую жизнь, приняв новую идентичность, не будучи в состоянии вспомнить прежнюю¹⁹. Подобные фуги, однако, встречаются довольно редко, и часто возникают под воздействием тяжелого стресса, вызванного природными катастрофами или травмами военного времени. Часто психогенные фуги появляются у подростков в результате кризисов идентичности, травматических событий, глубоких эмоциональных стрессов. Эти нарушения в своей основе часто имеют некий психологический конфликт или депрессию, а также могут быть вызваны органическими психическими заболеваниями. Как возникновение фуги, так и выздоровление приходят, как правило, быстро и неожиданно. Как правило, в состоянии фуги больной характеризуется аффективно-суженным сознанием, т. е. резким ограничением объема сознания с сохранением только основных эмоционально значимых связей с окружающим миром и лишь частичной новой самоидентификацией²⁰.

Особенно интересным является диссоциативное расстройство идентичности (**dissociative identity disorder, DID**) или расстройство множественной личности (**multiple personality disorder, MPD**). Этот феномен, как правило, называют «раздвоением личности», хотя упоминаются пациенты и с большим количеством «личностей». Чаще всего, однако, встречается именно раздвоение: одна личность сменяет другую, причем первоначальная не имеет доступа к воспоминаниям второй, а вторая может обладать воспоминаниями обеих, но может и также иметь только свои воспоминания. Р.Дж. Лифтон приводит удивительные факты, ссылаясь на исследования 1988 г. – у страдающих этим синдромом в среднем может существовать порядка одиннадцати «личностей», причем они могут различаться не только гендерными и возрастными самоопределениями, но и чисто физиологическими факторами, такими как ритмы сердечных сокращений или аллергические реакции²¹.

Возникновение MPD в большинстве случаев объясняется пережитым в детстве тяжелым физическим, сексуальным или психологическим насилием. Вероятно, именно по этой причине порядка 90% больных MPD – женщины²². Считается, что ребенок, стремясь забыть боль, стыд и страх, связанные с подобным насилием, пытается «сделать вид», что это произошло не с ним, а с кем-то другим, таким образом, формируя альтернативную личность или личности (работает механизм «вытеснения»). Также второй личностью человека может стать выдуманный ребенком «друг», с которым он общается и играет (это характерно для детей, изолированных от общества, ограниченных в общении), или даже выдуманная сиротой «мама». Многие философы используют феномен MPD в качестве доказательства возможности существования в человеке нескольких личностей, хотя, при всей сенсационности исследований MPD²³, у ряда ученых по-прежнему существуют серьезные сомнения даже в существовании подобного феномена.

Все рассмотренные в данном разделе проявления расщепления демонстрируют, прежде всего, что сознание и Я человека являются сложной системой, состоящей из множества элементов, связи между которыми в определенных ситуациях могут нарушаться, позволяя нам видеть по отдельности те элементы, которые при нормально функционирующей психике нам не видны.

Расщепление сознания как «бегство от реальности»

На стыке психологического и философского подходов к феномену расщепления сознания находится проблема эскапизма. Одно из самых кратких определений эскапизма – «бегство от реальности». Не углубляясь здесь в детали, касающиеся уточнения термина²⁴, отмечу лишь, что эскапистское сознание всегда в первую очередь связано с расщеплением сознания, с удвоением мира. «Бегство», о котором говорится в определении эскапизма, связано со стремлением человека вырваться из привычных рамок своего обычного мира и оказаться в некоем другом – воображаемом. В большинстве случаев, когда в научной литературе термин «эскапизм» используется рядом с термином «сознание», речь идет о патологических ситуациях. Уход от реальности, как правило, трактуется однозначно негативно, психологи, например, даже перечисляют разнообразие вариантов этого «бегства»: такие как рационализация (переопределение реальности), регрессия (уход от реальности), отрицание (исключение реальности), проекция (перемещение внутреннего чувства во внешний мир) и т. д.

Распространенными у невротиков способами бегства являются «бегство в болезнь» и «бегство в слабость»: человек оправдывает свое неучастие в каких-то событиях или отсутствие активной деятельности тем, что он болен или является слишком слабым, чтобы проявлять активность. В такой ситуации человек, заранее опасаясь неудачи, предпочитает вовсе не предпринимать попытки что-либо сделать²⁵. В рамках психологических исследований, связанных с проблемой эскапистского сознания, упоминаются такие заболевания и синдромы, как аутизм, психогенные расстройства, синдром дереализации и т. п.

Среди упомянутых в предыдущем разделе статьи психических расстройств можно отметить фугу как напрямую этимологически связанную с эскапизмом понятие «бегства». С фугой схожи не относящиеся к сфере диссоциативных такие психические нарушения, также упоминающие «бегство»: номадизм, дромомания (греч. δρόμος «бег»), пориомания (греч. πόρος «путь»), вагабондаж (фр. *vagabondage* – «бродяжничество»). Все они обозначают одно и то же явление – непреодолимую тягу к перемещениям, к путешествиям, к бродяжничеству, отчасти подобную «охоте к

перемене мест» Евгения Онегина. Однако если Онегин страдает от весьма распространенного в эпоху романтизма «недуга», вызванного в первую очередь скукой, то в других случаях подобные симптомы, выражающиеся в побегах из привычной домашней обстановки, могут вызываться органическими поражениями головного мозга и тяжелыми психическими заболеваниями. В то же время их причиной может быть сенсорный голод – потребность в новых ярких впечатлениях. Так, ребенка с избыточной склонностью к фантазиям может побудить к бегству пример любимых героев книг или фильмов, однако чаще причиной бродяжничества становятся неблагоприятные условия дома или просто общее недовольство однообразным бытом – школой, родительским контролем и т. д.²⁶ В свою очередь и явления, описываемые психоанализом, такие как сублимация, могут рассматриваться как вариант «бегства» – бегства от *Оно* к *Я*, от инстинкта к социально-приемлемой активности.

Большинство авторов, пишущих об эскапизме, непременно упоминают аутизм. Аутизм характеризуется в первую очередь неспособностью ребенка (и, в дальнейшем, взрослого) к нормальной социализации, к установлению социальных связей и коммуникации. Отсутствие дружеских и прочих близких связей обусловлено у аутистов, вероятно, не столько их выбором отказаться от тесного общения, сколько неспособностью поддерживать его на должном уровне²⁷. Таким образом, эскапизм в данной ситуации, выражающейся в бегстве от общества, является не желанием самих аутистов, а неизбежным следствием их болезни. Аутистам свойственно также погружение в какую-то узкую проблему, зацикленность на чем-то одном и нежелание видеть ничего вокруг, кроме этого избранного аспекта. Судя по всему, аутизм не означает богатства и разнообразия того мира, в который погружен аутист. Он «бежит» от внешнего мира не потому что ищет чего-то другого – разнообразного, интересного, захватывающего, он просто не в состоянии преодолеть барьер, который воздвигнут его собственной психикой. Схожая ситуация возникает с социопатией. Таким образом, здесь наблюдается лишь одна из черт, которые принято считать характерными для эскапизма – оторванность от общественной жизни, отсутствие активной социальной позиции. Эскапизм в строгом смысле предполагает сознательное,

более или менее управляемое «бегство», тогда как перечисленные выше отклонения просто делают невозможным взаимодействие с социумом. Более того, наиболее важной продуктивной чертой эскапизма является то, что сознание эскаписта творит новый мир и отчасти новое сознание, тогда как в случаях аутизма, например, изоляция от социума не означает разнообразия внутреннего мира, напротив, круг интересов аутистов и социопатов, как правило, ограничен, в большинстве случаев они являются экспертами в какой-то узкой области. Таким образом, подобные явления могут только частично быть отнесены к эскапизму.

Рассмотренные выше психические отклонения хотя и достаточно непосредственно связаны с темой эскапизма, тем не менее представляют радикальные случаи «бегства», в которых решение о «бегстве» принимается не добровольно, а вынужденно. Это порождения нарушенного сознания, тогда как эскапистское сознание интересует нас в первую очередь не как патология, а как неотъемлемая составляющая человеческого бытия. Осуществляемое в эскапизме расщепление сознания связано с «бегством» одной, диссоциированной части сознания, воплощенной в определенном Я-образе, в некий вымышленный мир. Эскапизм может выступать как активное творческое конструирование субъективной реальности, которое может послужить способом к лучшему пониманию реальности объективной. Разве не является уходом сознания от физической реальности процесс построения научной теории, созидания произведения искусства? Эскапистское сознание не просто «бежит», оно отправляется в путешествие, которое ведет его не только к новым впечатлениям, но и новым открытиям.

Расщепление сознания и расщепление Я

Наконец переходя к философскому анализу проблемы, следует уточнить, что расщепление сознания может пониматься по-разному. Расщепление сознания в патологических случаях, ряд из которых упоминался выше, может вести к утрате сознательных функций, к невозможности нормального функционирования индивида с расщепленным сознанием как сознательного существа. Такого рода расщепление может представлять собой, по сути,

распад сознания и прекращение функционирования человека как сознательного существа. Нас же интересуют расщепления другого рода, и они связаны не столько с разрывом между отдельными функциями сознания, сколько с расщеплением внутри *Я*, приводящим к умножению *Я*-образов, инстанций, которым мы можем приписать характеристики, свойственные *Я*. Расщепление *Я* может осуществляться как в простом акте рефлексии, так и в редких феноменах психики, подобных MPD, где *Я* расщеплено, но каждый из *Я*-образов обладает внутренне непротиворечивым «сознанием» (хотя это только выглядит таковым на первый взгляд: как показывают исследования, например, диссоциативной фуги, сознание фиктивной «личности» больного все же является неполным, суженным²⁸). Эскапизм, о котором речь шла выше, в большинстве своих форм связан именно с расщеплением *Я*, а не сознания. В осуществлении акта фантазии не столько сознание, по крайней мере, не сознание целиком, но именно *Я* перемещается в вымышленный мир. Фантазия хоть и отрывает нас от действительности, но в то же время мы остаемся «твердо стоящими на земле»: в большинстве случаев мы не настолько оторваны от реальности, чтобы не почувствовать запах дыма, если наш дом вдруг загорелся или чтобы забыть перемещать ноги, если мы на ходу читаем увлекательную книгу. Конечно, нам всем знакомо состояние, о котором говорят «замечтался»: когда мы, погруженные в грезы, не слышим порой оклика знакомого, роняем что-то из рук, не замечаем падающего на нас дождя и т. д. Однако в критический момент (например, в опасной для жизни ситуации), сознание стремительно переключает нас из мира грез на мир реальности, «вырывает» нас из плена фантазии, т. е. при самом глубоком погружении в «виртуальный мир», сознание все равно отдает отчет о состоянии окружающей среды. Таким образом, подобная «диссоциация» является временной и неполной.

Итак, если мы рассматриваем проблему расщепления сознания не как патологию, а как проблему философского порядка, мы должны говорить именно о расщеплении *Я*.

Проблема *Я* как непреложного центра сознания, как перспективы первого лица, как самоочевидной данности была сформулирована в философии Нового времени. Однако эта самоочевидность была вскоре поставлена под сомнение²⁹. Перспектива первого

лица, разумеется, не отменяется: я всегда смотрю на мир и осознаю его только из одной точки в пространстве, однако психоанализ и экзистенциализм показывают, что эту точку в пространстве могут делить между собой разные *Я*. Я смотрю на мир одними глазами, воспринимаю окружающие меня вещи одними и теми же органами чувств, и, тем не менее, я способен воспринимать одни и те же объекты совершенно по-разному, как будто я являюсь разными людьми. Я могу смотреть на мир с двух разных точек зрения одновременно, и я могу одновременно находиться в двух мирах – реальном и вымышленном. Я почти никогда не бываю полностью погружен в материальный мир, настолько, чтобы отсутствовала рефлексия, следовательно, мое *Я* почти всегда находится в состоянии удвоения. Это удвоение базово присутствует в любом процессе познания: когда мы отдаем себе отчет в том, что познаем нечто, что оцениваем конкретную ситуацию, что наблюдаем свой процесс мышления, когда мы осуществляем акт рефлексии, акт «мышления о мышлении». В такой ситуации наше *Я* подразделяется на *Я*-действующее, *Я*-актера, того, кто делает нечто, или мыслит нечто, и *Я*-наблюдателя, *Я*-контролера, того, кто наблюдает за тем, как совершается процесс мышления. Такое удвоение не является патологическим, оно лежит в основе нашей возможности абстрактного мышления.

Притом такое расщепление не будет психопатологической проблемой (хотя, разумеется, психиатрия демонстрирует расщепление сознания наиболее ярко, но, как уже говорилось выше, там мы имеем дело скорее с распадом связей сознания, которые приводят к разрушению сознания как такового): эта ситуация присутствует практически постоянно в здоровом разуме. Так, в одно и то же время в одном физическом времени-пространстве могут присутствовать я-осознающий-окружающий-мир и я-осознающий-себя, или же я-переживающий-бытие-в-виртуальном-мире. Мое переживание событий своего внутреннего мира может быть столь же ярким с точки зрения ощущений, что и переживание событий внешнего мира, ситуация реальная и ситуация, проигрываемая в воображении, могут обладать схожей степенью интенсивности переживания, вплоть до физиологических реакций. Причем события эти далеко не всегда являются отражением событий реального мира, часто мы имеем дело с абсолютно вымышленными

ми ситуациями, которые не имеют никакой основы во внешнем мире. Например, волнение за близкого человека, который задержался где-то по пути домой, может нарисовать в воображении крайне яркие картины бедствий, которые могли с ним приключиться по дороге, и представление этих событий в одном только внутреннем пространстве разума может вызвать панику вплоть до клинических реакций. Страх, беспокойство, тревога зачастую пробуждают фантазию – их объект стремится конкретизироваться, абстрактное беспокойство пытается найти конкретное выражение в определенном образе. Не случайно эти эмоциональные состояния интересовали экзистенциалистов: именно в них ярко проявляется сложность человеческого бытия, ведущая к удвоению или расщеплению *Я*.

Однако удвоение *Я* является следствием не только негативных переживаний. Когда, как было показано при анализе эскапизма, мы погружаемся в вымышленный мир, мир грез, мир воображаемых ситуаций, отрываемся от окружающей нас непосредственной действительности – например, в процессе чтения книги или просмотра фильма – мы попадаем в особую реальность, творцами которой являются не только авторы произведения, но и мы сами, но которая, тем не менее, не всегда починается нашей воле. И, наконец, удвоение *Я* неизбежно присутствует в любом акте творчества.

Таким образом, проанализировав проблему расщепления сознания через анализ рассеченного мозга и психических явлений, связанных с расщеплением и диссоциацией, мы можем сделать вывод, что междисциплинарный подход к этой проблеме необходим, чтобы показать сознание и *Я* как сложные системы, состоящие из множества элементов, нарушение связей между которыми может приводить к нарушению функционирования индивида как сознательного существа. В то же время исследования в области нейрофизиологии и психиатрии показывают, что подобная сложность может лежать в основе расщеплений сознания, существующих в нормальном опыте. Мы показали, что базово расщепление сознания (в виде расщепления *Я*) присутствует в сознательной деятельности человека практически непрерывно и играет важную роль в абстрактном мышлении, лежащем в основе познавательной и творческой деятельности человека.

Примечания

- ¹ Обзор истории развития исследований в области split-brain был дан одним из пионеров этой работы – Майклом Газзанигой, в статье: *Gazzaniga M.S. Forty-five years of split-brain research and still going strong. Nature Reviews Neuroscience.* 6(8). P. 653–659.
- ² *Luck, S. J., Hillyard, S. A., Mangun G.R. & Gazzaniga M.S.* Independent hemispheric attentional systems mediate visual search in split-brain patients // *Nature.* 1989. № 342. P. 543–545.
- ³ *Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л.* Мозг, разум и поведение. М., 1988.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Gazzaniga, M.S. & LeDoux, J.* The Integrated Mind. N.Y., 1978.
- ⁶ *Hurlly S.L.* Consciousness in Action. L., 1998.
- ⁷ *Nagel T.* Brain Bisection and the Unity of Consciousness // *Synthese.* 1971. P. 396–413.
- ⁸ *Marks C.E.* Commissurotomy, Consciousness, and Unity of Mind. Vermont, 1981.
- ⁹ *Parfit D.* Personal Identity // *Philosophical Review.* 1971. № 1. P. 3–27; *Parfit D.* Reasons and Persons. Oxford, 1984.
- ¹⁰ *Lockwood M.* Mind, Brain and the Quantum: the Compound “I”. Oxford, 1989.
- ¹¹ *Turk D.J., Heatherton T.F., Macrae C.N., Kelley W.M. & Gazzaniga M.S.* Out of contact, out of mind: the distributed nature of self. *Ann. NY Acad. Sci.* 1001, 65–78 (2003).
- ¹² Существуют два перевода этой работы, а также несколько вариантов транскрипции фамилии Лэйнга: *Лейнг Р.* Разделенное Я. Киев, 1995; *Лэнг Р.Д.* Расколотовое «Я». СПб., 1995.
- ¹³ *Laing R.D.* The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. Harmondsworth, 1960.
- ¹⁴ Расщепление Я // *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 142–147. С. 472–473.
- ¹⁵ Вытеснение // Там же. С. 142–147.
- ¹⁶ *Freud S.* Abriss der Psychoanalyse, 1938. Цит. по: Расщепление Я // *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. 2-е изд., перераб. и доп. С. 142–147. С. 474.
- ¹⁷ Клиническая психиатрия / Под ред. Т.Б.Дмитриевой. М., 1998.
- ¹⁸ Вытеснение // *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. 2-е изд., перераб. и доп. С. 145–146.
- ¹⁹ См., напр., описание случая А.Бурна в: *James W.* The Principles of Psychology, Cambridge (MA), 1981.
- ²⁰ *Staniloiu A., Markowitsch H.J., Brand M.* Psychogenic amnesia – A malady of the constricted self. *Consciousness and Cognition* 19, 2010. P. 778–801.
- ²¹ *Lifton R.J.* The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.
- ²² Есть, однако, предположение, что такое соотношение связано с тем, что мужчины с MPD чаще попадают в тюрьму, нежели к психиатру. См.: *Hacking I.* Rewriting the Soul. Multiple Personality and the Sciences of Memory. Princeton (N.J.), 1995.

- ²³ См., например, описание случая пациента с MPD, *обладавшего 24 «личностями»*, в книге: *Киз Д.* Множественные умы Билли Миллигана. М., 2003.
- ²⁴ Это было сделано мной в статье: *Труфанова Е.О.* Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // *Философия и культура.* 2012. № 3. С. 96–107. – *Е.Т.*
- ²⁵ *Яровенко С.А.* «Бегство от реальности»: Аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии» // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* 2010. № 331, февр.
- ²⁶ Дромомания // *Популярная психологическая энциклопедия.* М., 2005. С. 213–216.
- ²⁷ *Burgess AF, Gutstein S.E.* (2007). «Quality of life for people with autism: raising the standard for evaluating successful outcomes». *Child and Adolescent Mental Health* 12 (2): 80–6.
- ²⁸ *Staniloiu A., Markowitsch H.J., Brand M.* Psychogenic amnesia – A malady of the constricted self. *Consciousness and Cognition* 19, 2010. P. 778–801.
- ²⁹ *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

References (transliteration)

Blum F., Leizeron A., Hofstедter L. *Mozg, razum i povedenie.* Moskva, 1988. (in Russian).

Burgess AF, Gutstein SE (2007). «Quality of life for people with autism: raising the standard for evaluating successful outcomes». *Child and Adolescent Mental Health* 12 (2): 80–6.

Dromomania // *Popularnaja psihologičeskaja encyclopedija.* Moskva, 2005. S. 213–216. (in Russian).

Freud S. *Abriss der Psychoanalyse,* 1938. *Gazzaniga M.S.* Forty-five years of split-brain research and still going strong. *Nature Reviews Neuroscience.* 6(8). P. 653–659.

Gazzaniga M.S. & LeDoux J. *The Integrated Mind.* N.Y.: Plenum, 1978.

Hacking I. *Rewriting the Soul. Multiple Personality and the Sciences of Memory.* Princeton Univ. Press, New Jersey, 1995.

Hurly S.L. *Consciousness in Action.* London, Harvard Univ. Press, 1998.

James W. *The Principles of Psychology,* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1981.

Kiz D. *Mnozhestvennyje umy Billi Milligana.* Moskva, 2003.

Kliničeskaja psihiatrija. Pod red. *Dmitrievoj T.B.* Moskva: GOETAR MEDIZINA, 1998.

Laing R.D. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness.* Harmondsworth, 1960.

Lektorski V.A. *Epistemologija klasičeskaja i neklasičeskaja.* Moscow, 2001. (in Russian).

Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1993.

Lockwood M. Mind, Brain and the Quantum: the Compound “I”. Oxford, 1989.

Luck S.J., Hillyard S.A., Mangun G.R. & Gazzaniga M.S. Independent hemispheric attentional systems mediate visual search in split-brain patients. *Nature*. № 342. P. 543–545. 1989.

Marks C.E. Commissurotomy, Consciousness, and Unity of Mind. Vermont: MIT Press, 1981.

Nagel T. Brain Bisection and the Unity of Consciousness // *Synthese*. 1971. P. 396–413.

Parfit D. Personal Identity // *Philosophical Review*. 1971. № 1. P. 3–27; *Parfit D.* Reasons and Persons. Oxford Univ. Press, 1984.

Rascheplenie // *Laplansh J., Pontalis J.-B.* Slovar’ po psihoanalizu. 2-oe izd., pererab. i dop. Moskva, 2010. S. 472-473. (in Russian).

Staniloiu A., Markowitsch H.J., Brand M. Psychogenic amnesia – A malady of the constricted self. *Consciousness and Cognition* 19, 2010. P. 778–801.

Trufanova E.O. Eskapizm i eskapistskoje soznanie: k opredeleniju ponjatij // *Filosofija i kultura*. № 3. 2012. S. 96-107. (in Russian).

Turk D.J., Heatherton T.F., Macrae C.N., Kelley W.M. & Gazzaniga M.S. Out of contact, out of mind: the distributed nature of self. *Ann. NY Acad. Sci.* 1001, 65–78 (2003).

Vytesnenije // *Laplansh J., Pontalis J.-B.* Slovar’ po psihoanalizu. 2-oe izd., pererab. i dop. Moskva, 2010. S. 145–146. (in Russian).

Yarovenko S.A. “Begstvo ot realnosti”: Automifologizatsija kak garmonizatsija “Ya-bytija” cherez prinjatije illuzii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 331, February. (in Russian).